

ЭМИГРАЦИЯ

Не впервой предстояло мне дальнейшее путешествие. Однако нельзя сказать, что так уж радовало меня оставлять родные Пенаты. Просто необходимость следовать извечному Закону Бытия не вызывала сопротивления и никогда не оспаривалась.

Есть Нечто такое, что неподвластно обычным нашим желаниям, нашему разумению. Это как Божественная Тайна. Нам только остается следовать Промыслу, сохраняя в душе сакральное чувство связи с оставленной родиной. И это не пугает, так как мы всегда под Божественной Десницей.

Итак, подошло время решений каких-то новых задач. И меня ожидала очередная миграция, которая поможет открыть другие стороны Жизни, даст возможность изучить менталитет другого окружения. Снова я расставался со своими друзьями на длительное время. Но что оно в сравнении с Вечностью? Тем более с самыми родными из них предстояло встретиться через какое-то время и там.

Середина прошлого века. Страна была для меня новой, интересной — доселе незнакомая ментальная среда с непривычным укладом жизни ее обитателей.

Город выглядел более чем необычно: много разрушенного жилья. Это был результат катастрофического землетрясения, которое случилось пару лет назад осенней бархатной ночью, сменившей привычно знойное жаркое лето. Десятки тысяч жителей оказались тогда по другую сторону жизни. Во всём городе можно было по пальцам сосчитать оставшиеся здания.

И сейчас ещё местами не расчищено, но уже много новостроек, и повсюду без числа, как грибы, множились глинобитные времянки — этаким скорый самострой, когда в под-

ручные материалы шло всё, что можно было выкопать из завалов разрушенных домов. Заборы между ними были сколочены из жердей и досок, листов железа и фанеры. В целом все это напоминало какую-то гигантскую коммуналку. Глинобитные стены — дувалы, местами уже из кирпичей, очерчивая улицы, проулки, вносили уже какой-то порядок в этот хаос.

Образ жизни был скорее общественный, нежели индивидуальный, обособленный.

Многонациональная среда: туркмены, персы, армяне, татары, узбеки, украинцы, поляки, евреи, русские. Колоритные обычаи, уклад легко заимствовали друг у друга через общение, кулинарию, рукоделие, создавая свой неповторимый конгломерат. Яркая мозаика из азиатской и европейской культур. Смешение языков, почти как в библейском Вавилоне, хотя признанным языком общения, как впрочем, и государства выделялся русский язык. Худо-бедно общались на нем все. Не доставало слов — в ход шли мимика и жесты. Никто не посмеивался над неправильной речью, произношением и ударением. А сама жизнь обрамлялась различными лозунгами, поддерживающими и направляющими весь народ, который привычно жил только с верой в родимую партию и правительство. А они уж указывали предельно ясно: кто враг, а кто нет, и какие лишения терпятся во имя грядущего светлого будущего.

Последние дни лета. Дневной зной уже изредка давал людям хотя бы ночами передышку. Ведь не пришло ещё время спасительных кондиционеров, да и телевидения, не говоря уже о мобильных телефонах и компьютерах.

Я исследовал город, скверы, парки, улицы. Особенно притягивали колоритные восточные базары с их пёстрым языковым многоголосием. Пирамиды из гроздей винограда завора-

живали. Отовсюду наплывали головокружительные запахи спелых дынь и восточных пряностей.

Множество акцентов расцвечивали доминирующую русскую речь. В некоторых случаях вопросы покупателей просто заменяли жесты указующего пальца и улыбки. Ответные улыбки от женщин-торговок не всегда можно было увидеть, так как туркменки в высоких головных уборах — борик, поцарски венчающих головы, ещё прикрывали рот частью шарфа — яшмаком. Женщины были привлекательны. На некоторых поверх ярких, в основном красных оттенков, платьев из ткани ручной выработки были накинута своеобразные наголовные халаты с декоративными ложными рукавами. У девочек же платья были покороче, и были видны шаровары с широкой полосой вышивки, на мой взгляд, как-то не гармонирующие с непременными азиатскими остроносими резиновыми галошами. Зато почти у всех были какие-нибудь серебряные украшения со вставками из сердолика, бирюзы, кораллов.

Мне одинаково нравилось подолгу наблюдать и за чайханщиками, сноровисто разносящими чайники с зелёным чаем, пиалы и блюда между покрытыми кошмами и ковриками топчанами под раскидистыми чинарами. Там возлежали или сидели всегда только мужчины. Некоторые, даже в сорокаградусную жару одетые в пару халатов из полосатой ткани, чаще тоже красной, в узкую белую и черную полоску, или же в стёганые халаты, подпоясанные скрученными платками, и в непременных тюбетейках, поверх которых потом надевалась большая лохматая шапка из барашка — тельпек.

Журчание воды в арыках — небольших оросительных каналах, несущих такую драгоценную для здешних мест воду и прохладу, дополняло картину неторопливой размеренной, как бы и не столичной, жизни. Так интересно было познавать новую среду.

Наступил сентябрь. Я продолжал искать цель, к которой меня влекло. Очутился в районе каких-то немислимых построек, похожем на хитроумный лабиринт из проулков и улочек с множеством тупиков. Пестрая мозаика домиков почти с неизменными атрибутами южного колорита — топчанами, виноградниками — оказалась неожиданно нарушена большим светлым, но безыскусным строением, прятавшим места за высокой кирпичной оградой свои пустыри.

Любопытство влекло, и я заглянул в этот необычный дом, оказавшийся школой. Вдруг звонок взорвал тишину дремавшего прохладного коридора, и многоголосая ребячья толпа быстро заполнила его, вывалилась наружу, запрудив все пространство. Шумная волна плеснула и на рискнувшие приблизиться к зданию школы домики-временки, и дворики, укрывшиеся за ненадёжными глиняными заборами. Их жителям оставалось мириться с залетающими мячами, разбитыми стёклами окон и мешающим отдыху гомоном школьников.

Мимо торопливо прошла молодая женщина со связкой ключей. Она была невысокого роста, миловидная, зеленоглазая, с лицом, непривыкшим к пудре и помаде, в косынке, безуспешно пытавшейся упрятать волнистые каштановые волосы. Слегка сжатые плечи придавали скорей вид постоянно готового к обороне человека. Смущаясь, она старалась упрятать руки, пальцы которых были деформированы придавившей во время землетрясения балкой.

Судя по окрикам с искусственной строгостью, когда на неё натыкалась ребятня, было понятно, что ей даже нравится эта карусель. Вот уже несколько месяцев она работала завхозом в школе, не переставая удивляться, как это могло случиться. Получить такую работу без помощи Промысла было нереально: совершенно не обласканная судьбой-мачехой, малограмотная, с большим акцентом и ошибками говорящая по-

русски, почти не понимающая туркменского языка и к тому же с «подмоченной войной» национальностью.

Уже то, что ей судьбой было даровано избежать чудовищной депортации в начале войны вместе с земляками из Поволжья в Сибирь, потому как за четыре года прежде оказалась в туркестанской глубинке, говорило о странном расположении Фортуны. Все её родственники были сосланы, муж к концу войны сгинул в одном из трудовых лагерей, как и многие немцы, оказавшиеся изгоями в родной стране.

Казалось бы, те годы войны, надзора комендатуры, пусть не такого жёсткого и унижительного, как в иных местах, остались позади, но горе, накатывавшая безысходность, страх крепко заковали душу в панцирь, на долгие годы определивший границы затворничества. Видимо, ростки веры родителей, так и не заколосившиеся среди тоталитарного атеизма, всё же помогли удержать от погружения в бездну отчаяния. И уже два года минуло тому жуткому событию — землетрясению, когда моей героине помогли перебраться через границу из небытия — откопали из-под обломков, вот только без маленького сынишки.

Пережитое сделало её одновременно самоотверженной, бесстрашной и... трусихой.

Безысходная тоска со страхом, превращавшая ночи в кошмар, уже перестала накатывать днём. Она самозабвенно целиком отдавалась работе, дневала-ночевала в школе. Работа завхоза — это не работа руководителя, а самого что ни на есть исполнителя. Потому как всё, даже включая и тяжелую работу, делала сама и была примером для своих подопечных, впрочем, не всегда бывшими ею довольными. Можно было только поражаться, как при её малограмотности вёлся доскональный учёт едва ли не каждого ничтожного шурупа, куса мыла или мела.

Может, оттого, что эти мелочи заполняли мысли, некогда было думать о нескладывающейся судьбе, об отсутствии рядом надёжного крепкого мужского плеча. Отгонялись мечты о ком-то, кто смог бы почувствовать её желание обычного женского счастья, или чтобы рядом кто-то был с заботой, стремлением освободить, наконец, перегруженные, такие выносливые плечи.

Моё появление рядом с собой она ещё не осознавала, но чаще стали сниться ей какие-то непонятные и потому тревожные сны про сиротливое детство, про детей. Да не мудроно — весь день проходил под ребячьего голоса. А мой интерес к ней рос с каждым днём. Всё больше узнавал о ней, образе её жизни, занятиях, окружении.

Пожалуй, впервые, казалось поблёкшую после череды несчастий — смерти отца, супруга, ребёнка, землетрясения — женщину стали наполнять краски жизни. Она открыла себя ярким цветам вышивки. Трудилась над ними без устали, в ущерб сну, и вскоре всё в доме было увешано этими изумительными полотнами. Их изобилие не создавало китча. Они были как бы декорациями её жизни, навевали грёзы. Цветотерапия убирала негатив из души. Начала обращать больше внимания на себя, свою внешность. Перестала чаще прятать красивые густые волосы под платок. Сшила новые платья. Больше стала общаться с другими.

Я уже узнавал её самых близких подружек. Это были две учительницы начальных классов школы. Одна из них маленькая темноволосая женщина из далёкой российской провинции показалась поначалу излишне строгой, даже малоприветливой. Всегда настороженная, она словно боялась уда-ра насмешки, язвительного замечания, потому что она была горбунья. Горб, конечно, сильно портил фигуру. Сдвинутый в сторону, он делал походку очень неустойчивой, враскачку,

тогда как наоборот хотелось быть менее заметной. Ясно, что увечье являлось бедой этой женщины, но всё же не испортило характера, в целом открытого и добродушного, покладистого. Судьба наградила её замужеством, хотя злые языки видели в этом лишь своего рода выигрыш в лотерею. Красивый, видный мужчина, (может, для усмирения гордыни?) вызывал сильное беспокойство у жены, замечавшей все брошенные в его сторону взгляды, а больше — взгляды, которые бросал он вслед женщинам. Так уж сложилось, что спрос на мужчин намного превышал количество тех, кого молох военного времени не смог поглотить. Словом муж был примечательный блондин, работал экспедитором и вызывал немало зависти у одиноких знакомых и незнакомых женщин.

У другой подруги муж был учителем физики. И скорей с большим пристрастьем относился к супруге, чем она к нему. Она была яркой женщиной, казацких кровей, сознавала это и не торопилась особо отдаваться только семейным радостям, препоручая своего первенца свекрови.

Жизнь, в общем-то, на виду порой вполне могла потягаться с самой закрученной драматургией, разве, что редко срывала аплодисменты у глазеющей со всех сторон восхищённой публики. Азиатский климат располагал к такому укладу жизни. Порой хотя и разделяли какие-то почти условные заборы, но жизнь проходила на виду, с непрекращающимися хождениями друг к другу по делу и без. Не смущало пользование почти обобществлёнными самыми необходимыми предметами обихода и кухонной утвари: инструментами, утюгами, швейными машинками, мясорубками, казанами. Привычными были обращения за солью, сахаром, спичками, мылом, гвоздями и многим чем другим.

От жары и душных ночей жители спасались в двориках на широких сколоченных топчанах, заворачиваясь в мокрые

простыни, потому как даже вентиляторов у многих не было. Что уж говорить о телефонной связи: в новых двухэтажных домах можно было хотя бы рассчитывать на телефонный кабель, а в районах стихийного самостроя не редкость было ненадёжное обеспечение обычным электрокабелем, что всегда поддерживало спрос на керосиновые лампы.

Практически соседи знали друг о друге всё или почти всё. Находясь рядом, я мог незаметно наблюдать за бытом моей героини. Её дворик с домиком из двух комнат являл собой какой-то непривычный островок, вычищенный до блеска, регулярно весной побеленный, с вымощенными кирпичами дорожками, окружённый лозами винограда и почти укрытый под огромным деревом айлантуса, незатейливо прозванным в обиходе вонючкой за неприятно пахнущие при распускании листья. Навес перед домом становился летней кухней, когда там воцарялся керогаз или примус. Всегда стояли наполненные водой вёдра, так как водопроводный кран был общим в начале улицы. Не покрытая асфальтом дорога к нему превращалась в испытание в дождливое время года, тогда как летом постоянная пыль делала тусклой зелень вокруг, если та не вся выгорала под палящим солнцем.

В другое же время обед готовился в доме на плите печки, обогревавшей обе комнаты. Она тоже была сложена моей мастерницей, впрочем, как и весь домик. В небольшом сарайчике, то ли опиравшемся на забор, то ли поддерживавшем его, хранился запас дров и угля. Там позже разместилась и собака — живая преданная душа, ставшая на защиту одиночества хозяйки.

Подруги изредка собирались то у одной, то у другой. Когда не было какого-нибудь общего занятия, тогда одна что-нибудь читала вслух, другая — охотно комментировала любые события, третья же — вышивала или вязала бесчислен-

ные кружева, которыми украшала постельное бельё, скатерти, салфетки и не только у себя.

К зиме я уже хорошо знал их привычки, все их переживания. Да для этого и не надо было что-то подслушивать. Всё было так очевидно. Самая яркая из подруг перебралась в новый, выстроенный особняк, заметно угомонившись и уже реже проводя время с приятельницами. А горбунья как бы ни любила свою подругу, всё же в ней видела угрозу своему семейному счастью, потому как избалованный вниманием супруг очень даже хорошо, иногда казалось, слишком хорошо относился к подруге жены, заигрывал, когда проводили совместно время за лото или в танцах под пластинки. Однако та продолжала жить в каком-то своём придуманном мире, укрывавшем её с желаниями, мечтами о каком-то грядущем суженом.

Заведывание хозяйством школы требовало значительного умения и образования, которого моей подопечной явно не хватало, но брали верх сметка, пунктуальность и порядочность. А ночами моя рукодельница часами просиживала за пальцами, иногда даже при свете керосиновой лампы, когда отключали электричество. Вся внутренняя радость проявлялась на вышивках через искусно подобранные цвета. Экономить могла на чём угодно, только не на нитках мулине, которые доставались на городском базаре — толкучке.

Я уже с нежностью караулил возвращение хозяйюшки после работы. Внимательно пытался по лицу прочесть какие-нибудь невероятные или долгожданные новости. Поймал себя на том, что стал вести с ней мысленные разговоры. Радовало, когда угадывались её мысли. С трагической гибелью ребёнка, погребённого заживо в ту страшную ночь, мать-то не умерла в ней, материнство продолжало жить, до поры, до времени реализуясь в грезах.

Потому как жили тесно и близко, наблюдать не составляло никакого труда. Вот я сразу и обратил внимание на новое лицо в их коммуне. Им оказался довольно молодой человек среднего роста, кареглазый, широкоскулый, с иссиня-чёрными волосами, приехавший на учительскую конференцию по обмену опытом. Он закончил пединститут по специальности история, но занялся больше организационной работой с подростками, возглавив где-то в провинции станцию юных техников.

Видно было, как ему сразу приглянулась молчаливая рукодельница. Незаметно она стала слушать его всё больше и дольше. Они были настолько разные, насколько могут быть разными люди совершенно двух различных культур: европейской и азиатской, но воспитанные общим для огромной страны социалистическим строем, и к тому же с заметной разницей в возрасте.

Я и прежде не без ревности наблюдал за мужским окружением моей скромницы. Желающих в расчёте на лёгкие отношения было много, даже несвободных. И где-то небезосновательно ревновала подруга своего мужа-красавца к ней. Однако моя героиня была непреклонна, пожалуй, даже сурова в своей аскезе, многолетней после гибели мужа.

Время шло. И все чаще под разными предлогами умудрялся новый знакомый выбираться в столичный город. А вырвавшись, он уже неохотно торопился назад в свою провинцию, хотя из дома всё настойчивее шли требования его немедленного возвращения.

Тут подоспели какие-то новые курсы повышения квалификации. И он вновь появился на пороге её домика. Неожиданно плеснула непонятная ревность со стороны друзей, ведь прежде коллега спешил повидаться с ними в первую очередь. Хотя сами друзья, казалось бы, очень радовались за неё, и не раз даже предпринимали какие-то попытки устроить судьбу

подруги. Просто годами жили рядом и практически как бы одной большой семьей, в которой ревностно относились к появлению тайн друг от друга. А тут вспыхнувшая симпатия словно поспешила спрятаться в укрытие от нескромных взглядов.

Позже оказалось, что непривычное отсутствие моей знакомой отчасти повлияло на семейные отношения друзей. Муж стал больше уделять внимания жене, и видно было, как она расцветала. Даже походка изменилась — стала лёгкой настолько, что она временами не вспоминала о своём увечье и буквально порхала.

Запомнился день, когда и я почувствовал, что выбор молодой женщиной всё же сделан. Тогда я с большим интересом начал изучать избранника, в котором очень подкупала забота о ней, робость перед чем-то в ней незнакомым, но притягивающим. Неправильная с акцентом речь добавляла ей шарма в его глазах, хотя русский язык и ему не был родным. Избранница и вправду отличалась от других: нежная и сдержанная, независимая и робкая — как бы сотканная из противоречий, малоразговорчивая. Её песенки на немецком языке доставляли ему удовольствие. А достаточно суровая замкнутость от пережитого в жизни вызывала желание притянуть недотрогу, согреть, осчастливить. Недели хватило мне, чтобы лучше разглядеть этого становящегося близким человека.

Конец октября, день её рождения. Как подарок судьбы, наконец, встреча, от которой уже нет ни сил, ни желания отказываться. Забытые ласки, нежное обращение влюблённого мужчины вдруг заполнили её мир совершенно новыми яркими красками, чувствами, эмоциями. Испытав чувство облегчения, душа вдруг ощутила возможность сбросить многолетнюю тяжесть горечи и страданий, коконом обвивших её.

Впервые работа показалась помехой, крадущей такие незащищенные крохи счастья. В своём чувстве, в своей радости они настолько не слышали окружения, что женщина пропустила мимо ушей даже счастливое признание подруги в долгожданной беременности.

Через неделю избранник был неумолимо призван на своё рабочее место в другом городе под непустой угрозой применения параграфов законодательства. Расставание было и тягостным, грустным, и полным надежд на возможное такое общее для них будущее. Поддерживала вера в благополучный исход: доброе начальство и понимание его родни, которая пока была категорически против жены другой национальности.

Когда вспоминаются интриги из каких-нибудь ныне популярных сериалов или придуманных историй, диву даёшься: до чего изобретательны авторы, описывая человеческую хитрость, подлость. Но жизнь во всем многообразии показывает, что козни бывают куда более изощрённы и безрассудны.

Моя героиня ещё не владела русским языком настолько, чтобы самостоятельно писать письма избраннику. А письма, записанные подругой под диктовку, как-то упустили информацию о том, что она дожидается его возвращения уже не одна. Впрочем, письма всё равно не попадали к адресату, рвались или сжигались от огня ненависти, не отпускавшей старейшую женщину его рода. Род, ставший на защиту себя, быстро заставил неукоснительно исполнить свою волю — принять его, рода, выбор супруги. И посвящённое в козни начальство всеми распоряжениями тормозило возможность командировок на различные конференции, курсы, мероприятия. А тут и дышавший на ладан единственный телефонный кабель, наконец, решили поменять на новый, как и номер телефона школы.

В это непростое для моей подопечной время я стал единственно близким будущей матери. Одной моей любви с достатком хватало на то, чтобы рассеивались грустные мысли, огорчения казались мелкими. Она купалась в радости ожидания. Упоительное время узнавания друг друга, сближения, стремление все чаще проводить время вдвоём. И вот я в близости к ней уже настолько, что могу чувствовать её дыхание, ласковые руки, нежный шёпот, ставшие постоянными мысли обо мне, размышления. Сам становлюсь настолько зависимым, что просто ни на минуту не покидаю её. Я поглощаю всё её внимание. А она всё нежнее со мной. И я уже слушаю её пение только для меня одного. Мы даже предположить не могли, что так много принесём друг другу счастья и нежности.

Как же полюбил я свою певунью-хлопотунью, никак не раскисшую от переживаний об отъезде избранника, от затянувшегося на долгое время молчания. Если поначалу в первую пару месяцев после отъезда ещё были звонки в школу на работу, а потом открытки к праздникам — революционному и новогодному, то потом глухое молчание стало непреодолимой стеной.

Зима в том краю особенно не хозяйничала, а вскоре и вовсе уступила нетерпеливой сопернице свои уголья, с поплывшими вверх ртутными градусниками, надутыми от нетерпения почками, ошалевшими от тепла и солнышка птицами, шумными грозами и только для весны приготовленными радугами. Вот только к весенним запахам цветущих деревьев стал всё чаще примешиваться какой-то необычный запах, который подруга моей хозяйшки находила тошнотворным. Это был запах рыбьего жира, который моя ненаглядная поглощала ложками. Видимо что-то в балансе организма, к тому же истосковавшегося за зиму по витаминам, требовало именно этого ингредиента. Какими только хитростями не до-

ставали она и её подруги этот рыбий жир, отпускавшийся только в аптеках.

Моя хозяйюшка в душе очень радовалась беременности, благодарила Жизнь за такой подарок, а вовне, сколько могла, скрывала свою новость, чтобы не сглазить преждевременно. Когда стал заметен округлившийся живот, люди начали судачить. Беззлобно, но с задиристыми насмешками, которые всё равно доставляли боль ей и мне. Так хотелось защитить её. Но и она уже не скрывала своей радости от беременности. Все конечно стало намного трудней, тем более в условиях отсутствия ныне обычного комфорта отдельной квартиры. Ведь тогда даже не в каждом дворе был водопровод, не говоря о прочих удобствах. И была работа, которую она просто не представляла, как может оставить, хотя на ту пору государство гарантировало четырехнедельный отпуск до и после беременности. В то время приехало много народу помогать отстраивать город. Школы были переполнены. И работы было — не передохнуть.

Заканчивался учебный год, оказавшийся таким плодотворным, что и обе мои подруги, да и их приятельница оказались на пороге очередного серьёзного жизненного экзамена не на аттестат зрелости — на долгожданный аттестат материнства.

Когда настали летние каникулы, начался обязательный, просто необходимый ремонт. Тогда ещё не нанимались подрядные бригады, не было и шабашников, потому как на образование никогда густо средства не выделялись. И значит, побелку, покраску делали сами же школьники, как бы проходя трудовую практику, и работники школы.

Дети есть дети. После них зачастую приходилось переделывать, потому как они вдохновенно изводили все строительные материалы не только предназначавшимся партам, панелям и подоконникам, но и на раскраску друг друга, ху-

лиганское швыряние банок из окон об асфальт — этакий перформанс вокруг школы.

Стояла невероятная жара. Не укрыться от запахов краски, олифы, керосина. Волнами тошнота. Как райская благодать струйка воды в душе после работы. А потом раскалённые, душные июльские ночи. Практически не удавалось отдохнуть, так как временная прохлада намоченных простыней не спасала, не успевала погрузить в сон. Уже две недели, как надлежало пойти в дородовой отпуск. Ученические практики уже закончились, но ремонт всё ещё продолжался.

В один из таких знойных дней будущая мать как-то особенно стремилась закончить работу, покраску школьного коридора, хотя была уже в изнеможении и вечерело. С трудом добралась до дома подруги — до своего ещё надо было идти. Передохнув, долго отмывала краску в импровизированной баньке, распарилась. Неожиданно почувствовала резкую боль. Бабушка, оказавшаяся искусной повитухой, быстро организовала помощь роженице, а подруга кинулась к неподалеку расположенному клубу вызывать скорую помощь.

Как же мне хотелось поддержать роженицу, помочь, чем могу... освободить её от бремени. Всё короче паузы между схватками... последние совместные усилия...

— Уа! Уа! Уа! — с криком, взхлёб, я появился на свет!

Свекровь подруги ловко перевязала пуповину и деловито хлопнула меня по ягодицам. Но мне эта стимуляция была не нужна. Я наконец-то мог приветствовать свою мать и горланил от счастья. Когда смог впервые рассмотреть окружающую обстановку, заметил, что мы в доме её подруги, и рядом в маленькой кроватке моё рождение криком приветствовал опередивший меня на месяц сорванец подруги. Тут подоспела и медицинская помощь. Начался отсчет моей новой жизни, в которой предстояло еще многое понять, многому научиться,

обогатить свой опыт новыми знаниями, новыми переживаниями. И я с большой любовью и благодарностью к моей родительнице вступил на открывшийся мне путь ощущения полноты и радости бытия, новый путь обретения себя. Так началась моя новая Эмиграция...

В детстве все же чаще, чем потом вдруг накатывала такая необъяснимая щемящая тоска, и я до слёз вглядывался в высокое голубое небо, словно пытался вспомнить то, что могло быть сокрыто за облаками. Я не осознавал, отчего это меня томило и мучило. А ведь это чувство было ностальгией. Она будила тоску о прошлом, об оставленной родной Небесной Обители. Эта ностальгия по неземному, прекрасному, волшебному Миру необычайной легкости. Только во снах она одаривала полётами в бесконечном пространстве. Только там иногда можно было приблизиться к той оставленной далеко-далеко Запредельной Стороне.

Понятно, что ностальгия мешает присутствию в реальной жизни, искажает восприятие действительности и оттого делает и настоящее, и будущее зыбкими, неустойчивыми. Лишь уступить ей, и она легко может увести с пути, предназначенного в очередной раз Промыслом. Вот почему малые дети много спят. Их души ещё не могут напрочь отказаться от своей Единой Родины. С годами же уменьшаются часы сна, стираются воспоминания. Мы активно участвуем в жизни своими намерениями, поступками, характером.

Главное не причинить вреда бессмертной душе. И уж тем более — не загубить её опрометчиво. И тогда получится исполнить задачу этого нового присутствия на земле, задачу этой Эмиграции.